

Научная статья

УДК 947 088 (571.6+510)

doi: 10.17223/19988613/78/10

Пределы эффективности регионального экономического сотрудничества СССР и КНР в 1985–1988 гг.

Анатолий Евгеньевич Савченко¹, Елена Николаевна Чернолуцкая²

^{1, 2} *Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия*

¹ *savich21@mail.ru*

² *chvalery@mail.ru*

Аннотация. Потенциал приграничных связей Дальнего Востока России и Китая до сих пор считается не раскрытым, и российское государство периодически возвращается к попыткам активизации взаимодействия на границе двух стран. Своей работой мы намерены внести вклад в понимание причин этой регулярной неэффективности приграничного сотрудничества, проведя подробный эмпирический анализ начального его этапа, фокусируясь на повседневных рутинных практиках взаимодействия приграничных субъектов, преимущественно на примере Приморского края.

Ключевые слова: Дальний Восток России, КНР, приграничное сотрудничество, региональное развитие, реформы

Благодарности: Результаты получены в рамках выполнения Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток», проект №18-5-057.

Для цитирования: Савченко А.Е., Чернолуцкая Е.Н. Пределы эффективности регионального экономического сотрудничества СССР и КНР в 1985—1988 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 73–82. doi: 10.17223/19988613/78/10

Original article

Limits of effectiveness of regional economic cooperation between the USSR and China in 1985–1988

Anatolii E. Savchenko¹, Elena N. Chernolutskaia²

^{1, 2} *Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation*

¹ *savich21@mail.ru*

² *chvalery@mail.ru*

Abstract. After the “cold” period in relations between the USSR and China, the intensification of interstate and regional contacts has started since 1983. However, the quality of the latter did not allow them to become a stimulus for the accelerated development of the Far East, as it was conceived in the late-Soviet projects. The article aims to determine the reasons for the low efficiency of the Soviet participation in the interregional relations of the USSR and China at the initial stage of their revival by analyzing the daily practices of interaction between border subjects.

The work was carried out on the basis of archival documents of the Soviet party and Executive bodies of Primorsky and Khabarovsk Krai, Amur and Sakhalin oblasts, as well as of interviews with participants of cross-border exchanges of the considered period.

It is revealed that the external contacts of the Far East turned out more profitable for Chinese partners. To disclose the factors of this situation, the article introduces the concept of “breaking system”, which includes the following components.

Bureaucratic inertia. There was asymmetry in the interests of the Chinese and Soviet regional bureaucracy. The first pursued mainly trade goals, the latter – ideological ones. Fulfilling the Resolutions of the CPSU Central Committee, the Far Eastern authorities first of all were intensifying contacts through friendship societies, enterprises, sports and cultural delegations. The system of motivation and powers of the economic and party bureaucracy to dispose of local resources has not been developed.

Compatibility of short-term benefits and long-term costs. In economic cooperation, Chinese provinces could not offer advanced technologies. But the problem of consumer goods shortage was more acute on the agenda in the USSR. The Chinese partners successfully used this situation, supplying abundant consumer goods. But for their part, they did not show much interest in the products of the Far Eastern industry, and bought up mainly raw materials.

Social capital in cross-border relations. The use of this concept allowed to identify a set of established social relations between partners, the degree of mutual trust and of creating the ideas of cooperation. Soviet bureaucrats lacked commercial experience, awareness of international market conditions, and the ability to predict risks. The Chinese partners had an advantage in this respect and skillfully used it, achieving favorable terms of bargains.

The article concludes that with the undoubted positive dynamics of cross-border relations of the Far Eastern and Chinese regions in 1985–1988, the potential for the development of this cooperation on the Soviet side had limitations, which included the reproduction of formulaic models of bureaucratic activity, a meager range of exports, the lack of mechanisms for obtaining direct benefits by exporting enterprises, the deficit of social capital.

Keywords: the Russian Far East, PRC, cross-border cooperation, regional development, reforms

Acknowledgments: The results were obtained as part of the implementation of the Comprehensive Program of Fundamental Scientific Research of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 18-5-057.

For citation: Savchenko, A.E., Chernolutskaia, E.N. (2022) Limits of effectiveness of regional economic cooperation between the USSR and China in 1985–1988. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 73–82. doi: 10.17223/19988613/78/10

Проблема исследования. Приграничное положение Дальнего Востока, большую часть XX столетия выступавшее как источник угроз, к последней его четверти все определеннее рассматривалось руководством страны как потенциал для экономического развития. Эта переменна не имела непосредственной связи с нормализацией отношений с Китаем, скорее, она была вписана в общий контекст рационализации внешней политики СССР. Уже в 1985 г. дальневосточные ученые-экономисты просчитывали перспективы развития внешнеэкономических связей региона до 2010 г. и обосновывали «увеличение роли в развитии Дальнего Востока приграничного (прибрежного) сотрудничества за счет вовлечения в его сферу КНР, штатов западного побережья, расширения связей в рамках данного вида сотрудничества с Японией, КНДР» [1. Л. 18]. Однако именно приграничное сотрудничество с Китаем оказалось наиболее динамичным, дискуссионным, насыщенным различными совместными проектами и ожиданиями. Экономические взаимоотношения СССР и КНР воссоздавались, по сути, заново в период, когда две эти страны по-разному выходили из административно-командных экономик и имели взаимный интерес к налаживанию приграничного сотрудничества. Это открывало дополнительные возможности и для Дальнего Востока, ускоренное развитие которого в 1987 г. было провозглашено в качестве государственного приоритета [2]. Китайский Северо-Восток – крупный рынок сбыта (с потенциалом многократного роста), источник дешевых потребительских товаров и рабочих рук – был расположен буквально по соседству с российским регионом. Отчего же все эти элементы не привели к синергии и не стали составной частью модели ускоренного развития Дальнего Востока? Другими словами, нас интересует вопрос: был ли реальный потенциал для прорыва в экономических связях с Китаем в рассматриваемый период? Его не удалось реализовать из-за ошибочной линии действий советского государства, общего распада советской системы или же причины следует искать в чем-то другом? И если последнее верно, то в чем?

Изученность проблемы. Несмотря на то, что эта тема политически актуальна и удерживает исследовательский интерес, исторических работ здесь крайне мало, и буквально пальцев одной руки достаточно,

чтобы сосчитать публикации, авторы которых уходят вглубь времени – к середине 1980-х гг. В историографии преобладает формальный подход, согласно которому отчет восстановления приграничных контактов ведется с 1988 г., когда экономическое сотрудничество СССР и КНР было подкреплено межгосударственным соглашением [3, 4]. В работах, касающихся периода до 1988 г., чаще всего мы видим хронологический обзор ключевых событий с привлечением статистических данных, но без детального содержательного анализа [5. С 19; 6]. Недостаточная изученность начального этапа приграничных связей приводит к тому, что вне поля зрения исследователей остается их первоначальная модель, оказавшая влияние на последующее развитие. Это может приводить к упрощению картины и необоснованным обобщениям, когда особенности, характерные для конца 1980-х – начала 1990-х гг., экстраполируются в обратном направлении – на период 1983–1987 гг. Например, некоторые авторы делают вывод, что с возобновлением контактов в 1983 г. «основным фактором изменения функций границы стали микроуровневые взаимодействия фирм и людей» [7. С. 104–105]. Этот вывод, бесспорно, справедливый для более позднего времени, все же затушевывает реальную и противоречивую картину развития приграничных контактов на начальном этапе.

Более подробно исследовано становление приграничных отношений КНР и СССР на примере китайской провинции Хэйлунцзян [8]. Мы видим, что развитие приграничного сотрудничества с китайской стороны было тесно переплетено с интересами провинциальных властей – получить больше льгот и полномочий во внешнеэкономической деятельности для своей провинции. Существующая литература позволяет выделить асимметрию и хронологическую рассогласованность в интересах китайской и советской региональной бюрократии второй половины 1980-х гг. Но, во-первых, эта картина должна быть дополнена соответствующим анализом на примере советского случая, а во-вторых, все еще остается незаполненным пробел в исследовании повседневных рутинных взаимодействий между участниками приграничных обменов второй половины 1980-х гг., т.е. того первичного уровня, где и происходит реализация политических решений, стратегий и программ. Последнее представляется особенно акту-

альным в свете российского опыта, в котором именно на уровне реализации «спотыкаются» многие, казалось бы, самые правильные намерения.

Гипотеза исследования. Работа по заполнению вышеназванного пробела имеет значение, если мы стремимся понять те ограничения, которые встают на пути развития приграничных связей. Наша гипотеза состоит в том, что эффективность приграничного сотрудничества в большей мере зависела (и продолжает зависеть) от создания соответствующей системы стимулов и ограничений для агентов на местах, от их компетенции в этой сфере деятельности, но, главное, от того комплекса пронизывающих партнерство отношений, который укладывается в понятие «социальный капитал». Под ним понимается совокупность нарабатанных социальных связей между участниками, в сети которых формируются доверие, нормы, способность прогнозировать поведение партнеров и генерировать идеи сотрудничества (см. подробнее: [9. С. 209–211]).

Если система стимулов и ограничений может быть создана принятием соответствующих нормативных актов, то создание остальных условий требует большего времени. Даже при наличии на местах заинтересованных в приграничном сотрудничестве агентов (или же, как вариант, агентов, стремящихся максимально полно реализовать политику Центра) здесь едва ли возможно эффективное форсированное развитие. Другими словами, в 1980-х гг. в приграничных отношениях СССР и Китая существовал низкий потолок, который можно было медленно сдвигать вверх, но едва ли было возможно пробить активными административными действиями и смелыми политическими решениями. Далее мы рассмотрим основные составляющие системы, которую можно назвать, используя известный перестроечный термин, «системой торможения» региональных внешнеэкономических связей, но сначала обрисуем общий контекст и результаты развития экономических отношений двух стран в период 1983–1991 гг.

Контекст. В 1980-х гг. идеологизированная внешняя политика отступала на задний план перед прагматическими интересами. На политическом уровне перелом наметился в 1983 г., когда начались расширение контактов и оживление всей «заржавевшей» инфраструктуры связей двух государств. С 1982 по 1984 г. были подписаны первые соглашения (о возобновлении приграничной торговли в 1982 г., об экономическом и техническом сотрудничестве в 1984 г.) и организована серия визитов. С 1983 г. соседние страны начали обмениваться делегациями на уровне приграничных районов (торговых работников, железнодорожников и т.д.) [6. С. 19, 25; 10]. Чем-то похожим на возвращение к бывшему экономическому партнерству (здесь уместно напомнить, что индустриальная база на Северо-Востоке Китая была создана в 1950–1960-х гг. при самом активном участии СССР) стала договоренность о строительстве советскими специалистами семи и реконструкции 17 промышленных предприятий в Китае в течение 1986–1990 гг. [6. С. 19].

Транслятором приоритетов внешней политики Москвы на уровень дальневосточных регионов было представительство Министерства иностранных дел

СССР в г. Находка (Приморский край). В августе 1985 г. (шел пятый месяц с момента избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС) МИД информировал первого секретаря Приморского крайкома Д.Н. Гагарова о «наиболее актуальных внешнеполитических проблемах в регионах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии». Советский Союз намеревался «резко активизировать» свою внешнюю политику в дальневосточном регионе, что подразумевало, среди прочего, и нормализацию отношений с Китаем [11. Л. 20–22].

Менее чем через год, в апреле 1986 г., находкинское представительство МИДа обрисовало для руководства Приморского края две приоритетные задачи советской политики в АТР.

Первая – «укрепление братских отношений» с социалистическими странами [12. Л. 1]. Таковыми выступали в первую очередь МНР, СРВ и КНДР. Именно с этой группой стран, глубоко периферийных по отношению к СССР, предполагалось развивать приоритетное сотрудничество и наиболее глубокие взаимосвязи. Китай же не рассматривался как член этого клуба, поскольку между Пекином и Москвой не были сняты принципиальные разногласия, не говоря уже о дефиците взаимного доверия.

Вторая задача – рост экономической отдачи от внешнеполитических отношений. Краевым властям рекомендовалось прилагать больше усилий к развитию «прибрежной и приграничной торговли и регионального экономического сотрудничества с соседними странами, больше информировать Центр и смелее вносить свои предложения по этим вопросам» [Там же. Л. 1–2].

В 1985–1986 гг. нормализация отношений оставалась самоцелью, а экономические контакты были средством для ее достижения. Упомянутая выше ориентировка МИДа оставляет в этом мало сомнений. Если СССР намеревался привлечь Японию к реализации крупных проектов на Дальнем Востоке – развитию транспортной инфраструктуры (расширение порта Восточный), освоению природных ресурсов Сахалина, увеличению транзита японских товаров по Транссибу, то сотрудничество с Китаем рассматривалось не более чем средство частичного обеспечения Дальнего Востока продуктами питания в обмен на поставки советского оборудования и промышленных товаров [Там же. Л. 20]. Ориентируясь в развитии сотрудничества на традиционных союзников в АТР, Советский Союз позиционировал себя как прогрессивная высокоразвитая держава, служившая примером и образцом для других стран. Эта шаблонная модель была применена и в региональном сотрудничестве с Китаем. Более того, информация, направляемая в ЦК КПСС от первых советских делегаций, посетивших Китай и докладывавших о его успехах, воспринималась негативно – как некритическое восприятие китайской пропаганды [13].

Оставляя в стороне разногласия по вопросам большой политики, советская сторона ставила целью увеличить взаимную торговлю в 6 раз в течение ближайших лет, максимально задействовав приграничные связи. Учитывая изначально низкую планку (в 1980 г. объем советско-китайской торговли составлял 1,3 и 0,2% от всей внешней торговли Китая и СССР соот-

ветственно) [12. Л. 20], мы можем говорить о существенном прогрессе двусторонних связей в последующие несколько лет. С 1981 по 1989 г. объем товарооборота между двумя странами вырос в 13 раз. При этом треть объема советских поставок составляли машины и оборудование, а около половины – стальной прокат, минеральные удобрения, лесоматериалы и алюминий [14. С. 17–18]. На излете своего существования Советский Союз вошел в пятерку крупнейших торговых партнеров КНР, занимая долю в 4,5% в 1989 г. и 3,8% в 1990 г. (Китай для СССР занимал 15-е место). К 1990 г. была подписана серия контрактов на привлечение китайских рабочих в СССР, в стране появилось 34 совместных предприятия с китайским капиталом на сумму в 28 млн долл. США [6. С. 19–21].

На региональном уровне прослеживается еще более впечатляющая динамика: внешнеэкономические связи Дальнего Востока переживали взрывной рост. В конце 1980-х гг. на долю Дальневосточного экономического района приходилось 20% торгового оборота СССР со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [12. Л. 66]. Торговля по линии «Дальинторга» удвоилась в течении двух-трех лет, а в его отделении – «Дальпригране» – на одного работающего приходилось около 10 млн руб. товарооборота. Эти организации уже просто не справлялись с растущим объемом операций [15. Л. 54]. Китай по итогам 1990 г. занимал 61% в удельном весе внешнеторгового оборота Приморского края [16. Л. 27].

Но, обратив внимание на качество процесса, мы видим, что эти успехи выглядят не столь впечатляюще, а проблемы в сфере приграничных связей с КНР удивительно похожи на сегодняшние. Совместные предприятия чаще всего представляли собой рестораны азиатской кухни, а торговля расширялась по традиционным направлениям – экспортировалось сырье, а ввозились товары массового спроса¹. Реальный ход экономического сотрудничества далеко разошелся с первоначальными намерениями союзной и краевой власти. Расчет на то, что внешнеэкономическая деятельность станет двигателем модернизации, отступал все дальше перед реальностью, в которой Дальний Восток лишь закреплялся в роли глубоко периферийного региона, внешние обмены которого осуществлялись к выгоде других².

Бюрократическая инерция. С 1985 г. на региональном уровне двух стран начался обмен делегациями и поздравительными телеграммами по случаю государственных праздников, таких как годовщины образования КНР и Великой Октябрьской революции. В том же году в Приморье началось обустройство инфраструктуры для принятия китайских делегаций: в пос. Пограничный был построен Дом советско-китайской дружбы (в котором были созданы условия для проживания гостей из КНР), строилось общежитие для рабочих-железнодорожников и представителей торговых фирм [18. Л. 14]. Этот советский поселок стал на начальном этапе региональным центром советско-китайских контактов.

Нормализация отношений подкреплялась символическим ресурсом идеологического родства и тесного

сотрудничества в не столь уж давнем прошлом. На встречах делегаций двух стран подчеркивалась «необходимость в самом скором времени восстановить дружбу народов... во всех ее проявлениях» [19. Л. 19]. Китайцы и сами заверяли: они помнят помощь, оказанную Советским Союзом в 1950-е гг. [Там же. Л. 89]. Более того, если верить советским информаторам, китайцы «открыто высказывались о том, какое негативное влияние оказала политика Мао Дзэдуна на развитие Китайской Народной Республики...» [20. Л. 1]. У многих китайцев, особенно среди интеллигенции, сохранились личные воспоминания молодости, связанные с обучением в СССР, что создавало сентиментальный фон для восстановления дружбы: «...была такая... трогательная встреча, заканчивалась там она слезами, воспоминаниями и так дальше» [13]. Но, облегчая восстановление связей, этот символический ресурс мало чем мог помочь развитию экономически выгодных контактов двух стран. Прием в КНР проходил, как правило, подчеркнуто дружелюбно: на границе досматривали редко, размещали в хороших отелях, все гости могли рассчитывать на серию банкетов. Китайцы даже выдавали членам советских делегаций небольшие суммы денег на мелкие расходы. Эти обмены играли свою роль в повышении взаимного доверия, развитии культурных и гуманитарных контактов, но лишь туманно соотносились с задачей повышения экономической эффективности международных связей. Что представляла собой типичная советская делегация в КНР в середине 1980-х гг.? Это была группа общественных деятелей, связанная с наукой и образованием, которые, прибыв в Китай, посещали символические места (например, монумент советским летчикам), знакомились с образцово-показательными предприятиями, произносили дежурные фразы об обмене технологиями.

Китай производил на участников первых советских делегаций противоречивое впечатление. Во второй половине 1980-х гг. в этой бедной стране едва ли было возможно разглядеть будущий потенциал громадного внутреннего рынка. Члены Приморского отделения Общества советско-китайской дружбы, побывавшие в провинции Цзилинь осенью 1985 г., по возвращении описывали свои впечатления: «Делегация имела возможность посетить ГУМ, центральный рынок, музей... В ГУМе отмечается обилие товаров, но качество их очень низкое, в том числе обуви, костюмов, других швейных изделий. Много товаров японских фирм. Покупательная способность населения невысокая... Одежды китайцы скромно...» [18. Л. 70]. Впечатления членов делегаций подкрепляли официальную позицию Москвы, в которой не было больших ожиданий от экономического сотрудничества с Китаем. В то же время советские гости могли своими глазами видеть обилие сельскохозяйственной продукции на прилавках – рыбы, мяса, фруктов, зелени [Там же]. Более того, один из наших респондентов, посетивший в конце 1980-х гг. промышленный город Шеньян (здесь стоит отметить, что данный собеседник в то время работал на Амурском целлюлозно-картонном комбинате и хорошо знал производство), уже тогда увидел, что про-

мышленная база здесь технологически превосходила советскую [21]. Ближе к границе СССР была заметна деятельность по строительству инфраструктуры – автомобильных и железнодорожных магистралей, а в беседах китайские товарищи говорили о намерении подключить ее к дорогам с советской стороны [18. Л. 121]. Все это было зримым подтверждением того, что Китай, все еще оставаясь бедным, наращивал свой потенциал, а его интерес к экономическому сотрудничеству с советским Дальним Востоком возрастал.

Интерес был взаимным, но стороны имели не только разные задачи, но и разные возможности для их достижения. Китайская сторона с самого начала преследовала больше торговые цели: при каждой встрече ставились вопросы об установлении торговых отношений между приграничными территориями, развитии прямых связей между предприятиями и учреждениями, обустройстве постоянных пунктов пограничного перехода, возможности экспорта китайского зерна через порт Посьет. Китайцев интересовали сбыт своей продукции легкой промышленности и сельского хозяйства и приобретение у СССР некоторых видов сырья, бытовой техники (например, телевизоров и холодильников) и ряда других промышленных товаров [20. Л. 15].

Советская же сторона ориентировалась в первую очередь на интересы идеологические – в духе пропаганды советских социально-экономических достижений и разъяснений международных инициатив М.С. Горбачева. Общество советско-китайской дружбы находилось в ведении отдела пропаганды и агитации Приморского крайкома КПСС, а сектор зарубежных связей был структурной частью этого отдела³. Между тем региональные партийные комитеты продолжали руководствоваться старыми постановлениями ЦК КПСС о «контрпропагандистских мероприятиях в связи с антисоветской пропагандой в Китае» [22. Л. 63].

Интересы китайцев, как и возможности дальневосточной бюрократии эти интересы учитывать, хорошо просматриваются на примере диалога между советской и китайской делегациями обществ советско-китайской и китайско-советской дружбы, состоявшемся в пос. Пограничный (Приморский край) в апреле 1985 г., отрывок из стенограммы которого приведем дословно:

«Вопрос китайской стороны: Возможно ли упростить формальности при пересечении государственной границы СССР и КНР по удостоверениям, выдаваемым отделениями общества советско-китайской дружбы пос. Пограничный и общества китайско-советской дружбы г. Суйфэньхе?

Ответ советской стороны: Порядок пересечения государственной границы у нас определен решениями государственных органов.

Вопрос китайской стороны: ...Возможен ли торговый обмен между пос. Пограничный и г. Суйфэньхе?

Ответ советской стороны: Торговый обмен возможен только через Министерство внешней торговли СССР, и решать его необходимо через государственные органы.

Вопрос китайской стороны: Возможна ли продажа кур и яиц с птицефабрики «Пограничная» для разведения на птицефабриках Суйфэньхе?

Ответ советской стороны: Решать этот вопрос необходимо через Министерство внешней торговли СССР...» [20. Л. 54].

По той же колее в регионах продвигалась реализация Постановления ЦК КПСС от июля 1987 г. «О развитии приграничных связей дальневосточных районов РСФСР с соответствующими районами Китайской Народной Республики». Для его выполнения краевые власти намечали в первую очередь активизировать контакты по линии обществ дружбы, краевого совета, предприятий и ведомств, спортивных команд и культурных учреждений. Контроль над всей этой работой возлагался все на тот же отдел пропаганды и агитации Приморского краевого комитета [23. Л. 1].

Посол КНР в Советском Союзе Ли Цзэван, посетивший Приморский край весной 1987 г., в шутку признавал, что «если в области состояния межгосударственных торговых отношений может сдать экзамены с оценкой “отлично”, то экзамен по региональным торговым связям он завалит». При этом он избегал подробного обсуждения иных тем, и приморских руководителей задело, что посол всего лишь один раз сослался на владивостокскую речь М.С. Горбачева [20. Л. 20].

Представители КНР уклонялись от обсуждения политических проблем, используя те же аргументы, что и их советские партнеры, ухивившиеся от экономических тем: китайцы прямо указывали, «что эти вопросы находятся в компетенции вышестоящих органов» [24. Л. 13]. Советские представители, несмотря на установку Центра продвигать торговые отношения, все еще стремились делать «большую политику», обеспечивать мировой авторитет СССР в целом и Генерального секретаря ЦК КПСС в частности, в то время как китайские партнеры уже намеревались делать деньги без особой оглядки на политику и идеологические установки.

Поэтому создание новой системы мотивации для хозяйственной и партийной бюрократии, расширение ее полномочий по распоряжению местными ресурсами были необходимым шагом для преодоления инерции. Но сама эта бюрократическая инерция была лишь первым и, вероятно, самым легкоустраняемым барьером.

Проблема совместимости: сиюминутные выгоды и долгосрочные издержки. В июне 1988 г. СССР и Китай подписали соглашение «О принципах создания и деятельности совместных предприятий», заявляя о заинтересованности в «привлечении передовой техники, технологии, опыта управления и использования природных ресурсов двух стран» [25].

Китай конца 1980-х гг. не являлся тем партнером, который был способен помочь экономическому прорыву советского Дальнего Востока. Китайская экономика наращивала потенциал, но в целом оставалась примитивной технологически, не имела емкого внутреннего рынка, советская же экономика, особенно на Дальнем Востоке, имела глубокий сырьевой уклон и безнадежно отставала по качеству менеджмента. Наш собеседник, работавший в то время заместителем директора крупного приморского предприятия, вспоминает: «Они нам были не интересны как что-то передовое. Мы были им интересны, да. Мы тогда в Муданьцзяне сотрудничали с паровозоремонтным заводом. Ну, я там

был, это была беда. Сейчас другая история... А тогда мы как бы сотрудничали... но... конец 80-х годов – это... торговые отношения, связанные с бытовыми историями» [26].

При этом китайские приграничные провинции были стратегически в более выигрышной ситуации. Они не могли в то время предложить дальневосточным регионам передовые технологии для наращивания экономического потенциала, но эта задача сходила с основной повестки в СССР: в 1988 г. уже мало кто из советских партийно-хозяйственных бюрократов сомневался, что планам по ускоренной экономической модернизации не суждено стать реальностью в обозримой перспективе. Более злободневной теперь стала другая политически важная задача – наращивание производства товаров народного потребления за счет конверсии оборонных заводов и строительства новых предприятий. Именно на это ориентировала региональную власть программа развития Дальнего Востока (которую, в общем-то, тоже уже накрывала тень скорого краха, что станет очевидным к концу 1989 г.). И китайские партнеры относительно удачно вписывались в это новое направление со своим не особо качественным, но обильным ширпотребом – у них были фирмы, товары и агенты, имевшие уже немалый опыт продвижения этих товаров на рынки.

Что конкретно интересовало китайскую сторону, мы можем видеть на примере визита в Приморье в декабре 1988 г. «торгово-экономической» делегации провинции Цзилинь. Список ее предложений к сотрудничеству насчитывал девять пунктов и почти полностью соответствовал провозглашенным приоритетам внутренней экономической политики в СССР: 1) строительство завода по производству обоев; 2) строительство завода по производству термосов; 3) строительство лакокрасочного завода; 4) строительство кирпичного завода из отходов ТЭЦ; 5) строительство больницы или поликлиники; 6) открытие магазина по продаже китайских товаров; 7) открытие цветной фотографии с помощью китайских специалистов; 8) открытие ресторана китайской кухни; 9) обсуждение вопроса об открытии погранперехода Краскино–Чанлинцзы [20. Л. 119–120].

Нам остается только гадать, изучали ли в КНР советские программные документы, относящиеся к экономическому развитию, или же почерпнули информацию о потребностях партнера в ходе хаотичных поездок по Дальнему Востоку в составе многочисленных делегаций.

Китайцы не проявляли особого интереса к закупкам продукции, произведенной на Дальнем Востоке. Например, в феврале 1986 г. на переговорах между Дальинторгом и делегациями провинции Хэйлуцзян и Автономного района Внутренняя Монголия китайская сторона демонстрировала незаинтересованность в ассортименте товаров, предлагаемых Дальинторгом (а к таковым среди прочего относились мотоциклы, моторные лодки, мясорубки, ведра оцинкованные, косы сельскохозяйственные и т.п.). Китайцев интересовали, прежде всего, сырьевые товары, которые нужно было «попросить у государства». При этом они подчеркивали ограниченность их собственных воз-

можностей в приграничной торговле, поскольку уже имели многочисленные обязательства по экспортным поставкам. Нельзя сказать, что советская сторона как-то выгодно отличалась на этом фоне – на тех же переговорах она пыталась аннулировать контракт на поставку в Китай 320 т камбалы ввиду того, что цены на мировом рынке морепродуктов начали существенно расти.

Таким образом, мы можем сказать, что сложившаяся во второй половине 1980-х гг. модель приграничного сотрудничества мало соотносилась с понятием «развитие» для Дальнего Востока. Скорее, она позволяла частично заполнить провалы, вызванные нарастающим социально-экономическим кризисом. Советская сырьевая продукция обменивалась на товары и услуги, которые фактически замещали централизованные поставки. Историческим свидетельством этому остаются дома, школы и другие объекты, построенные китайскими рабочими из китайских материалов в счет поставок советской продукции, чаще всего – рыбы [16. Л. 28]. Направления сотрудничества, с которыми китайские партнеры «заходили» на Дальний Восток, позволяли советским предприятиям и органам власти отчитаться о выполнении спущенных сверху указаний о развитии производства товаров народного потребления и социальной сферы, об интенсификации внешнеэкономических связей, избавляясь при этом от решения нереальной задачи освоения передовых технологий и выхода на внешний рынок с готовой продукцией. К началу 1990-х гг. редкое крупное предприятие не имело договора или протокола о намерениях по сотрудничеству с КНР. Советские производители брались совместно с китайцами выпускать примитивные потребительские товары, которые в избытке могли быть поставлены напрямую из Китая.

Проблема социального капитала в приграничных связях. Осенью 1988 г., во время проведения выставки китайских товаров во Владивостоке, заместитель руководителя фирмы «Дальпригран» открыто признал, что именно настойчивость и активность китайцев позволила в разы увеличить объем приграничной торговли. Присутствовавший там же генеральный директор Главной компании по заграничной торговле провинции Хэйлуцзян поддержал эту точку зрения. Ему «очень хотелось бы видеть побольше мобильности, коммерческой смелости и в дальневосточниках». Он предлагал не ограничиваться простым товарообменом, но создавать совместные предприятия, использовать китайских рабочих на строительстве промышленных объектов в Приморье [23. Л. 33].

Отчего советские партнеры не проявляли активности в углублении сотрудничества с КНР даже тогда, когда у них, казалось бы, появились стимулы и полномочия это делать? Обращаясь к рутинным взаимодействиям, мы видим, что непосредственная выгода такого партнерства могла и не перевесить приложенных организационных усилий, более того, она даже могла повлечь за собой серьезные издержки. Не было чем-то необычным, когда наши организации закупали китайские товары по ценам в 2–4 раза выше их реального уровня [15. Л. 57]. Советские бюрократы сами чув-

ствовали, что они заведомо уступают китайским партнерам в осведомленности о конъюнктуре международного рынка, и отмечали «умелое использование ими (китайцами. – А.С., Е.Ч.) наших просчетов, неумение вести коммерческую работу и элементарное незнание директивных документов по внешнеэкономическим вопросам» [27. Л. 8]. Советские предприятия часто рассчитывались «непрофильным сырьем»: например, вагонно-рефрижераторное депо из шести контрактов на использование иностранной рабочей силы в трех рассчиталось камбалой. Но еще важнее было то, что они поставляли эту продукцию по ценам внутреннего рынка, т.е. заведомо дешевле, чем она котировалась на мировом. Новорожденные советские предприниматели просто не знали мировых цен [Там же. Л. 18].

Обратимся к конкретным примерам трудностей, сопровождавших совместную деятельность двух стран. Весной 1988 г. во Владивосток прибыла большая делегация из КНР для переговоров с Дальрыбой⁴ по вопросу ремонта советских судов в Китае в обмен на поставку советской рыбопродукции. Китайская делегация, которая пробыла в СССР около месяца, включала не только представителей фирмы «Машимпекс», выступавшей координатором и посредником для китайских судоремонтных и судостроительных предприятий, но также сотрудников «Национальной компании по рыболовству и рыбопереработке», судоремонтных и судостроительных заводов, министерства внешней торговли КНР, посольства КНР в Москве. Китайскую группу возглавлял генеральный советник президента Машимпекса, советскую – главный инженер Дальрыбы.

Уже в самом начале переговоров на демонстрации образцов рыбопродукции советские участники с неудовлетворением отметили, что китайцев интересует наиболее дешевая необработанная продукция из минтая. Возникло подозрение, что полученный в счет судоремонта минтай будет перепродан Машимпексом на внешнем рынке гораздо дороже. Китайцы упирали на то, что цены на советскую рыбу неприемлемо высоки для их внутреннего рынка, и были вынуждены обращаться за разъяснениями в Пекин. В свою очередь, их предложения по ценам за судоремонтные работы оказались слишком высокими для советских представителей. Переговоры проходили в нервной атмосфере [20. Л. 37–40]. После трех недель их проведения стало понятно, что до контракта дело не пойдет, и все ограничилось подписанием протокола о намерениях, с чем китайская делегация и убыла в КНР. Этот не самый удачный опыт был проанализирован советской стороной, и в краевой комитет поступили предложения по совершенствованию взаимодействия с китайцами. Некоторые из этих предложений мы приведем полностью, поскольку они отражают главные проблемы, которые беспокоили участников советско-китайского приграничного взаимодействия: «предварительно оговаривать строгие сроки пребывания делегаций друг у друга, определенное количество состава и специалистов, место встреч и переговоров, порядок возмещения расходов обеих сторон по статьям затрат»; «обеспечить разумную последовательность встреч, переговоров с соответствующей плановой подготовкой каждо-

го мероприятия»; «через советские представительства в КНР тщательно изучить внутренний рынок на предмет экспорта в Китай консервной продукции рыбохозяйственных предприятий и организаций Дальнего Востока» [Там же. Л. 45].

Другой, вероятно, еще более показательный пример связан с привлечением китайской рабочей силы. В октябре 1988 г. Сахалинлеспром заключил контракт с Шеньянской строительной компанией о привлечении китайских рабочих и управляющих в Поронайский лесокombинат. Предполагалось, что около 700 граждан КНР будут работать на лесопильном производстве в течение пяти лет, что не только сулило снижение расходов на оплату труда, но также избавляло руководство Сахалинлеспрома от необходимости строить социальную инфраструктуру, как это было бы в случае привлечения советских кадров. Предприятие провело подготовительную работу для приема иностранцев: приобрело одежду, специнвентарь, оборудовало столовую. Однако первая прибывшая группа рабочих и специалистов (237 чел.) оказалась полностью некомпетентной в лесопилении. Для нее пришлось организовать обучение. Китайцы допускали опоздания и массовый невыход на работу. Чтобы производство не остановилось, потребовалось завозить рабочих из других районов Сахалинской области. В результате у Поронайского лесокombината в первые два месяца резко возросли затраты на единицу произведенной продукции: по зарплате они составили 71 руб. 55 коп. на 1 куб. м пиломатериала при плановых 18 руб. 58 коп., а прописанный в контракте план выпуска был выполнен за это время только на 6,4%. Китайские рабочие произвели продукции на 208 тыс. руб. при плане в 3 250 тыс. руб., а затраты на их содержание составили 254 тыс. руб. Руководство комбината предлагало разорвать контракт и создать благоприятные социальные условия для местных рабочих [28. Л. 17, 21–23].

Из приведенных примеров мы видим, что, начиная работу с Китаем, советские учреждения брали на себя как организационные, так и финансовые риски: спрогнозировать поведение контрагента и конечный результат было невозможно ввиду отсутствия опыта, дефицита достоверной информации и ограниченных возможностей ее получения.

Заключение. Несколько сюжетов, изложенных выше, показывают сложность налаживания взаимовыгодных приграничных связей между СССР и Китаем после не столь уж долгого по историческим меркам перерыва.

В Советском Союзе явно недооценивали потенциал взрывного экономического роста, который уже набирал обороты в Китае. Справедливо сказать, что мало кто в мире смог предугадать будущую роль КНР в мировой экономике. Но в условиях централизованной плановой системы в СССР на первоначальном этапе не было альтернативы, доступной капиталистическим странам, в которых крупные корпорации сами находили оптимальные пути экономического сотрудничества с Китаем, движимые стремлением снизить производственные издержки. В нашем случае данные функции лежали на исследовательских, партийных и бюрократических организациях. И хотя движение в данном

направлении началось с начала 1980-х гг., эти структуры оказались не готовы исполнить свою роль по причине долгого полуизолированного развития.

На региональном уровне у советских партийных и хозяйственных управленцев фактически не было пространства для импровизаций и использования новых возможностей в двусторонних связях, поскольку оперативно перенаправить продукцию (включенную в плановые задания) на внешний рынок было едва ли реально. Здесь необходимо специально подчеркнуть, что торговля между СССР и КНР была именно обменом товара на товар по клиринговой системе, а не продажа за деньги. Поэтому нарастание товарного дефицита в СССР порождало проблемы с наполнением экспортных поставок. В то же время ассортимент местных товаров, которые можно было обменять (а в региональных внешнеэкономических обменах также допускался только бартер) через Дальинторг, был скудным и не менялся десятилетиями. Ситуация вряд ли могла быть иной, учитывая, что в системе советской приграничной внешней торговли не было агентов, занимавшихся поиском рыночных ниш за рубежом и продвижением продукции, а внутри советской экономики не существовало механизмов получения прямой выгоды предприятием-экспортером от продажи продукции за рубежом.

Поэтому провозглашение Москвой новых целей и новой политики по их реализации без системных изменений порождало нарастание традиционной активности на местах: пропаганда достижений советского строя и разъяснение новой политики партии – таким оставался небогатый инструментарий регионального руководства в деле развития отношений с КНР вне зависимости от целей, которые ставились наверху. Положительную динамику внешнеэкономических связей невозможно не заметить. Но во второй половине

1980-х гг. она имела мало общего с современным пониманием этого процесса. Это едва ли возможно назвать выходом на внешние рынки или развитием экспорта. Воспроизведение шаблонных моделей бюрократической активности – вот тот фактор, который ограничивал потенциал развития двустороннего сотрудничества на уровне управления.

На уровне непосредственных взаимодействий по мере роста интенсивности приграничных связей проявлялась проблема, которую мы назвали дефицитом социального капитала. То, что нам, спустя 30 лет, представляется неуверенным движением двух стран навстречу друг другу в попытках найти взаимовыгодные точки соприкосновения, для участников тех событий, скорее, было хаосом поездок, встреч, переговоров, банкетов. Советские хозяйственники и партийные бюрократы не имели ни проверенных и надежных китайских партнеров, ни достаточной информации об экономической конъюнктуре и практике ведения дел с КНР. Громкие заявления и декларации о намерениях изрядно тускнели, а выгоды оборачивались издержками при переходе к вещам прозаическим – согласованию цен, поставок конкретных видов продукции в счет оплаты работ и т.д.

Но из последующих событий мы знаем, что с 1988 г. разворачивается новый этап в развитии приграничных связей: предприятия стали более свободными в распоряжении своей продукцией и ведении внешнеэкономической деятельности. Но почему они не смогли использовать возросшую самостоятельность для долгосрочных целей своего развития? И как проявлял себя социальный капитал, который, несмотря на сложности первых лет, накапливался и становился все более значимой частью регионального экономического сотрудничества двух стран? Эти вопросы – предмет дальнейших исследований.

Примечания

¹ Информационно насыщенная дискуссия на этот счет имела место в ходе регионального совещания по вопросам развития экспортного потенциала, прибрежной и приграничной торговли, взаимного сотрудничества автономных республик, краев и областей Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, проходившего в Благовещенске 4 августа 1988 г. с участием министров РСФСР (см. подробнее: [15]).

² Это отсылка к цитате из знаменитой работы Ф. Броделя, в которой он, оценивая территориальное расширение России в XVI–XVIII вв. (отдельно остановившись на русском продвижении в Сибирь и торговле русских купцов с Китаем), писал: «Напрашивается вывод: на своих окраинах русский гигант не утвердился прочно. Его внешние обмены – с Пекином, Стамбулом, Исфаханом, Лейпцигом, Львовом, Любеком, Амстердамом – были объектом нескончаемых манипуляций со стороны других» (см. подробнее: [17. С. 502]). Нам важно было привести эту цитату, чтобы подчеркнуть долговременность проблем внешних обменов России – они отражают некую структурную слабость, которая воспроизводится вплоть до сегодняшнего дня, независимо от типа экономики и политического режима. Понять природу и многообразные следствия этой слабости, значит уже объяснить многое в проблемах внешнеэкономических связей Дальнего Востока и всей страны, но данная тема все еще ждет своего исследования и требует долговременных коллективных усилий.

³ Основным направлением деятельности сектора зарубежных связей Приморского крайкома КПСС было поддержание общественных связей Приморского края с провинциями Северный Хамген (КНДР), Цзилинь (КНР), Хайфон (СРВ), города Находка – с городами Майдзуру, Отару, Цируга (Япония), Оклэнд, Беллингхем (США), поселка Пограничный – с г. Суифэньхэ (КНР). Примечательно, что эти направления деятельности оставались неизменными вплоть до 1990 г.

⁴ Дальрыба – Всесоюзное рыбопромышленное объединение Дальневосточного бассейна.

Список источников

1. Архив Президиума ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 666. Т. 5.
2. О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года : постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1987 № 958. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8315&dst=4294967295&date=24.05.2019> (дата обращения: 24.05.2019).
3. Шлапек Е.А., Степанова С.В. Развитие приграничной торговли в России: общие тенденции и особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23, № 1. С. 130–139.
4. Каширская А.В. Становление дальневосточной приграничной политики России // Управленческое консультирование. 2014. № 5. С. 133–138.
5. Даниловских Т.Е., Кузьмичёва И.А., Флик Е.Г., Кузьмичёв Д.И. Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 3. С. 16–22.

6. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток : Дальнаука, 2006. 424 с.
7. Рыжова Н.П., Симутина Н.Л. Российско-китайская граница: отчужденная – сосуществующая – взаимозависимая? // *Полития*. 2007. № 3 (46). С. 100–114.
8. Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве (1979–2009) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 2014. 276 с.
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.
10. Бородавкин А. Россия и Китай: по пути добрососедства и сотрудничества // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 5. С. 12–19.
11. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 115. Д. 563.
12. ГАПК Ф. П-68. Оп. 117. Д. 323.
13. Интервью № 69, г. Владивосток, Приморский край // Личный архив А.Е. Савченко.
14. Спрогис Е.В. Как сотрудничаем с Китаем? // *Проблемы Дальнего Востока*. 1990. № 6. С. 17–24.
15. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 5135 ОЦ.
16. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 324.
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / 2-е изд. М. : Прогресс, 2007. Т. 3: Время мира. 752 с.
18. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 566.
19. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 725.
20. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 554.
21. Интервью № 68, г. Амурск, Хабаровский край // Личный архив А.Е. Савченко.
22. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 112. Д. 116.
23. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 479.
24. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 178.
25. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о принципах создания и деятельности совместных предприятий, Пекин, 8 июня 1988 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757492> (дата обращения: 24.05.2019).
26. Интервью № 45, г. Владивосток, Приморский край // Личный архив А.Е. Савченко.
27. ГАПК Ф. П-68. Оп. 117. Д. 792.
28. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. П-4. Оп. 159. Д. 125.

References

1. The Archives of the Presidium of the FEB RAS. Fund 17. List 1. File 666. Vol. 5.
2. The Central Committee of the CPSU & The Council of Ministers of the USSR. (1987) *O kompleksnom razvitii proizvoditel'nykh sil Dal'nevostochnogo ekonomicheskogo rayona, Buryatskoy ASSR i Chitinskoy oblasti na period do 2000 goda: postanovlenie TsK KPSS, Sovmina SSSR ot 19.08.1987 № 958* [On the integrated development of productive forces of the Far Eastern economic region, Buryat ASSR and Chita Region up to 2000: Resolution № 958 of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of August 19, 1987]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8315&dst=4294967295&date=24.05.2019> (Accessed: 24th May 2019).
3. Shlapeko, E.A. & Stepanova, S.V. (2017) Development of cross-border trade in Russia: General trends and features. *Vestnik Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta*. 23(1). pp. 130–139. (In Russian).
4. Kashirskaya, A.V. (2014) Formation of Far East Border Policy in Russia. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 5. pp. 133–138. (In Russian).
5. Danilovskikh, T.E., Kuzmicheva, I.A., Flik, E.G. & Kuzmichev, D.I. (2016) Stages of development and forms of cross-border trade between China and Russia. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 3. pp. 16–22. (In Russian).
6. Larin, V.L. (2006) *V teni prosnuvshegosya drakona: Rossiysko-kitayskie otnosheniya na rubezhe XX–XXI vekov* [In the shadow of the awakened dragon: Russian-Chinese relations at the turn of 20th – 21st centuries]. Vladivostok: Dal'nauka.
7. Rizhova, N.P. & Simutina, N.L. (2007) Russian-Chinese border: alienated – coexisting – interdependent? *Politiya – Politeia*. 3. pp. 100–114. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2007-46-3-100-114
8. Ivanov, S.A. (2014) *Uchastie vlastey provintsii Kheylyuntsyuan v rossiysko-kitayskom ekonomicheskom sotrudnichestve (1979–2009)* [Participation of the Heilongjiang Provincial Authorities in the Russian-Chinese Economic Cooperation (1979–2009)]. History Cand. Diss. Vladivostok.
9. Putnam, R. (1996) *Chtbody demokratiya srobotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem.
10. Boroдавкин, А. (2009) Russia and China: along the road of good-neighbourliness and cooperation]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 5. pp. 12–19. (In Russian).
11. The State Archives of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 115. File 563.
12. The State Archives of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 117. File 323.
13. A.E. Savchenko's Personal Archive. (n.d.) *Interv'yū № 69, g. Vladivostok, Primorskiy kray* [Interview № 69, Vladivostok, Primorsky Krai].
14. Sprogis, E.V. (1990) *Kak sotrudnichаем s Kitаem?* [How do we cooperate with China?]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 6. pp. 17–24.
15. The State Archives of Amur Region (GAAO). Fund R-114. List 2. File 5135 EV.
16. The State Archives of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 1157 File 324.
17. Braudel, F. (2007) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t.* [Material civilization, economy and capitalism, 15th – 18th centuries: in 3 vols]. 2nd ed. Moscow: Progress.
18. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 115. File 566.
19. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 115. File 725.
20. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 117. File 554.
21. A.E. Savchenko's Personal Archive. (n.d.) *Interv'yū № 68, Amursk city, Khabarovsk Krai* [Interview No. 68, Amursk, Khabarovsk Territory].
22. The State Archive of the Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund P-35. List 112. File 116.
23. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 117. File 479.
24. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 117. File 178.
25. CNTD. (1988) *Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Kitayskoy Narodnoy Respubliki o printsipakh sozdaniya i deyatel'nosti sovместnykh predpriyatii, Pekin, 8 iyunya 1988 g.* [Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the People's Republic of China on the principles of establishing and operating joint ventures, Beijing, June 8, 1988]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901757492> (Accessed: 24th May 2019).
26. A.E. Savchenko's Personal Archive. (n.d.) *Interv'yū № 45, g. Vladivostok, Primorskiy kray* [Interview No. 45, Vladivostok, Primorsky Territory].
27. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 117. File 792.
28. The State Archives of Sakhalin Region (GASO). Fund P-4. List 159. File 125.

Сведения об авторах:

Савченко Анатолий Евгеньевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия). E-mail: savich21@mail.ru

Чернолуцкая Елена Николаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия). E-mail: chvalery@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Savchenko Anatoly E. – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: savich21@mail.ru

Chernolutskaaya Elena N. – Doctor of Historical Sciences, a leading researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: chvalery@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2019; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 07.10.2019; accepted for publication 05.07.2022